

СТОЛЬКО НЕ ЖИВУТ: МИНИАТЮРЫ О СТОЛЕТНИХ

© 2017

Д.М. Рогозин

Порой кажется, что темой старения занимаюсь всю жизнь, настолько плотны, насыщены, эмоциональны встречи, переполнены смыслами исследовательские материалы. Но в действительности идет всего шестой год, как разговариваю со стариками, присматриваюсь к их жизни, пытаюсь понять сформировавшиеся за годы отношения.

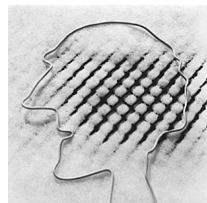
История

Вначале все сводилось к сбору проблем, жалоб, упущений — чистая социальная политика с ее акцентом на помощь, поддержку, развитие и содействие стареющему населению. Основные аргументы — статистические, риторика — экономическая, а форма — управленческая. Изучать, чтобы формировать программы и мероприятия, влиять на законодательные и исполнительные органы власти. Возможно, такая активность полезна политическим лидерам, составляющим свои повестки и подбирающим нужные слова, но простые люди лишь пожимали плечами: “Зачем? Что проку от ваших вопросов? Государство без того не оставляет, пенсия идет, добавляю понемногу, не голодаем. Зачем вы?” В такой постановке вопроса исследователь — действительно лишний, никчемный интерпретатор

понятных, простых и безыскусных нужд стариков. Чтобы понять необходимость внимания, любви, заботы, ухода за пожилыми людьми, ни к чему бесконечные исследования — нужны сами внимание, любовь, забота и уход как они есть.

Затем внимание сместилось на бытующие в отношении стариков заблуждения и предрассудки — то, что в околонучной литературе принято ставить под универсальный заголовок “Мифы и реальность” [2; 3]. Видишь одно, думаешь об этом, предпринимаешь какие-то действия, а на самом деле все обстоит иначе. Акцент “на самом деле” вырывает исследователя из повседневности, вознося на пьедестал, откуда открывается широкая перспектива на мир, утопающий в иллюзиях и страхах. Преодоление последних когда-то мыслилось как основная цель работы. Страхи были выявлены, проблемы обозначены, пути решений представлены, а ничего не изменилось, поскольку и до меня, и после найдутся любители создавать мифы о мифах, конструировать свою экспертность на вменении другим профанности.

Лишь теперь пришло осознание того, что в нашем мире, перенасыщенном прожектами и обещаниями, давно сформировался дефицит на описание происходящего не с точки зрения экономической

**«ТАЙНА СИЯ
ВЕЛИКА...»**

**Рогозин
Дмитрий
Михайлович** — кандидат социологических наук, ведущий лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Постоянный автор журнала. E-mail: nizgor@gmail.com

Фрагменты книги, являющейся инициативным проектом автора.

целесообразности, предвыборных манипуляций или управленческих амбиций, а с приземленной позиции людей, разговаривающих о жизни. Бытописание старения как поддержание уникальной возможности общения между людьми разных возрастов, поколений, эпох. Не выявлять, обличать, призывать, искоренять, а спрашивать, слушать, сопереживать и восхищаться. Не больше и не меньше.

Задача

Наша высшая социальная ценность — это возможность общения независимо от тех или иных убеждений, обид и противоречий, которыми перенасыщена повседневность. Общение — не инструмент социальной политики, а самодостаточная реальность, стоящая над любыми политическими амбициями [6]. Именно этой реальности и хочется служить, проживая жизнь, нацеленную на расширение самой возможности говорить со стариками. Слышать и видеть старость.

Короткие миниатюры, представленные ниже, — не пересказ какой-либо истории, передача информации или уникальных сведений о долгожителях. Безусловно, информация важна. Мы мало знаем о стариках. Но куда важнее не столько знать, сколько чувствовать, смущаться, сопереживать, любить, испытывать эмоциональную привязанность [15; 14]. Сюжеты не ровные как по исполнению, так и воздействию на разных людей, попаданию в унисон их чувствам. Услышанное, увиденное, воспринятое сообщение не нуждается в логических доказательствах достоверности. Задача — вскрытие не правды, а любви и понимания.

Метод

Начались разговоры в Москве. Десять столетних стариков, живущих в семьях, принимающих уход

родственников или социальных работников. Оставленных среди них не было. Список мы взяли из московского департамента, что отвечает за социальную поддержку стареющего поколения, потому все наши собеседники получали какую-никакую помощь от государства. Поговорили о жизни, сделали фотографии и... не смогли остановиться. Отправились в Астрахань. За разговорами пара недель пролетела быстро. Казалось бы, проект завершен. Отпуск. С семьей поехал к родителям. И в первый же день не усидел дома, вновь начались разговоры. Потом уже, возвращаясь в Москву, заехал в Сатку, небольшой городок в Челябинской области, к старым друзьям.

Итак, собрано около 50 записей долгих, продолжительностью от двух до шести часов, разговоров со стариками. Конечно, с перерывами, рассматриванием семейных альбомов, чаем, обедом, неспешными расставаниями в тесных коридорах. В академической среде такого рода встречи определяются как интервьюирование, а способ их организации — биографические или нарративные интервью [1; 4]. Но на деле это рассказы историй [5; 8], всего лишь разговоры, личные, без каких-либо ограничений и сформулированных заранее вопросов.

Устав от академического безумия, вменяемого реальности заранее составленные описания, я с радостью воспринял набирающий силу методологический поворот к искусству [9; 10; 12]. Ближе всего к этой традиции стоит современная этнография. Научный продукт для нее — это прежде всего красивый, изящный и востребованный людьми текст. Последние — не объект исследования, а непосредственные участники, заинтересованные лица в происходящих диалогах, последующей обработке материалов, их публикации и распространении [7; 13]. Этнография — та разновидность литера-

туры [11], которая не нуждается ни в надуманной строгости, ни в отсылке к каким-либо авторитетам. Ее задача заключается в создании возможности диалога, заинтересованного участия в конструировании социального пространства, общества, в котором есть место всем возрастам.

Благодарности

После первых же разговоров открылось огромное многообразие жизненных миров людей, проживших век, имеющих свои представления о столь далеком для современников прошлом. Подобные разговоры нельзя вести в одиночку. С коллегами Е. Вьюговской, Н. Галиевой, А. Ипатовой, О. Пинчук приходил в дома, общался со стариками.

С пожилыми людьми или их родственниками сложно договориться о встрече. Подчас на это уходят недели. Неоценимую поддержку в организации встреч оказали: О. Ткачева, главный геронтолог Москвы; О. Кормушин, директор исследовательской компании “MRG”; Н. Никифорова, директор департамента корпоративного развития и стратегических коммуникаций группы “Магnezит”; М. Чиркова, начальник управления внешних коммуникаций группы “Магnezит”; Е. Лимарова, начальник Управления социальной поддержки населения муниципального образования города Абаза; О. Домажакова, директор Абазинской городской библиотеки.

Самая большая благодарность — самим старикам. Без их теплоты, открытости, искренности, готовности отвечать на самые неожиданные вопросы эта книга как возможность понимания не только старости, но и себя никогда бы не состоялась. Без стариков, их историй мы теряем себя, свою историю, которая и задает осмысленность нашей жизни. Видеть старость — это вглядываться в себя и

свое предназначение. Видеть старость — это быть собой.

“...Сто лет не слышала эти слова...”

Ты сидишь и держишь за руки женщину, которой больше века. Она через каждое слово благодарит, ведь уже 12 лет никто не заглядывал. Дочь умерла, внучка потерялась где-то в большом городе. Ни друзей, ни родственников, только боли, острое чувство голода и одиночества. Сто два года, ни одного собеседника за 10 лет. На столетие подарили отрез на платье, дежурно раскланялись и не задержались даже на 10 минут... Все-го-то надо: взять за руку, посидеть молча, послушать, улыбаясь и об-

«ТАЙНА СΙΑ
ВЕЛИКА...»

нимая. “Вы очень красивая”, — прокричал я на прощание в левое ухо, которое еще чуть слышит. “Спасибо, большое спасибо, я сто лет не слышала эти слова...”

Поздравительные открытки

В разговорах со стариками спрашиваю, что власть делает для них, чем помогает. Наиболее частый ответ — открытки шлет, с юбилеями и праздниками. Когда возраст на учете, даты особо важны. “Мы поздравляем в 80, 85, 90, 95 лет. У нас идет открыточка от губернатора, открытка от депутата и, если 90 лет, то уже открытка с Кремля, — специалист из соцзащиты раскрывает иерархию поздравлений. — А что мы больше можем сделать? Поручение дано, следует выполнять. Не дай бог, пропустить кого, потом и премии лишат”. Плотная бумага, печатный шрифт поздравления, факсимильная подпись, казенный конверт. А старики и тому рады: “Сам Путин меня поздравил. Не забывает нас, заботится”.

“Муж рано решил состариться”

“Есть некоторые вещи, которые принять не могу. Муж рано решил состариться, ему просто ничего не интересно в жизни. Где-то с мужиками выпил, еще что-то. Ладно, думаю, могу день терпимо относиться, второй... но третий?! Мне это зачем? Я видеть не хочу ни мутных глаз, ничего такого. Мне интересно просто жить, общаться с людьми, куда-то ехать, идти. Ему же важно, что дома все прибрано, помыто, сварено. Проблем никаких — покушал и на диван. Лежим, вес набираем, смотрим телевизор. И дело даже не в отсутствии секса, просто разный эмоциональный уровень. Я общалась с людьми, меня переполняют эмоции. Открываю дверь, а на диване рыхлое тело”.

Комплименты от мужчины

«В любом возрасте мужское внимание необходимо. Сколько бы лет ни было, а все одно приятно, глаза горят, когда мужчина правильно на тебя посмотрит. Увы, есть разница в мужском внимании: в 40–45 лет или сейчас, когда тебе за 70. Слава богу, муж у меня молодец, внимательный и мне этого хватает. И все равно, если где-то получаю комплимент от мужчины, я расцветаю. Недавно подходит мужчина и говорит: “Я вас знал в молодости и сейчас. Вы как французское вино, которое с годами становится все крепче и лучше”. И у меня прямо внутри все воодушевилось, глазки загорели, потом и на мужа по-другому, по-девичьи посмотрела».

О терпимости

Мы привыкли к линейным повествованиям, определенности в различении добрых и злых, друзей и врагов, хороших и плохих. Иначе неловко, неудобно. Потому даже короткие реплики вызывают желание определиться, присвоить человеку ту или иную метку на шкале добра. Иное дело — старики. Какие бы они ни были, как бы ни жили, общая, доминирующая черта заключается в отказе от линейности повествования, наделении мира популяциями героев и злодеев. Возраст подталкивает к переосмыслению ушедшей в прошлое категоричности, принятию многообразия мира. Конечно, не у всех и не всегда, но в целом старики намного терпимей молодежи. Они могут принять другого. Не в этом ли заключается мудрость?

Квартирный вопрос

Старость у нас с женским лицом, но вдовцов среди мужчин не меньше, чем вдов среди женщин. “Почему не женятся вновь?” — не перестаю спрашивать. В свои 88 необычайно плотный, крепкий ста-

рик, улыбнувшись, рассуждает: “Женщине в нашем возрасте разве что квартирой понравишься. Но и об этом 10 раз подумаешь. Николай с соседнего околотка привел молодую в дом, вписал. Прожили пять лет, она возьми, да помри. Тут же наследники объявились со своими правами. По суду ему одну седьмую его же квартиры и оставили. Он безграмотный, не стал разбираться, тут же пошел и повесился. Ни жены, ни квартиры, ни себя. Нужно ли такое?”

Выступил на собрании

«Тятяка зубатый был. Коллективизация идет. Голод. А председатель колхоза своих телят зарезал, ест. Отец взял на собрании выступил. Тот: “Запомнишь ты этих телят”. Так и вышло. Через неделю пришли ночью и забрали отца. Ничего не сказали. Два месяца ни слуху, ни духу. Потом привезли на подводе слепого скелета. Отец на германской войне был травлен газом, ослеп. Там доктор выходил. Говорил, тяжелого не поднимать, не простужаться, в общем беречься. А его увезли в Бийск, посадили в подвал холодный, заболел тифом и ослеп. Стал ненужным, привезли домой и бросили. Молчание — не золото, а жизнь. У нас в семье это каждый знает».

Приторность повествований

В исследовании не получается только разговаривать. Невольно попадают на глаза статьи об интересующем предмете, обнаруживаешь его присутствие в текстах. Сколько ни читаю публикаций о долгожителях, везде герои и праведники, труженики и семьянины, порядочные, добрые, честные и любимые, “которые не жалели сил и здоровья для благополучия страны”. О стариках, как о мертвых, — либо приторно лилейно либо ничего. Мы страшимся иного в именных портретах, с пещерным упрямст-

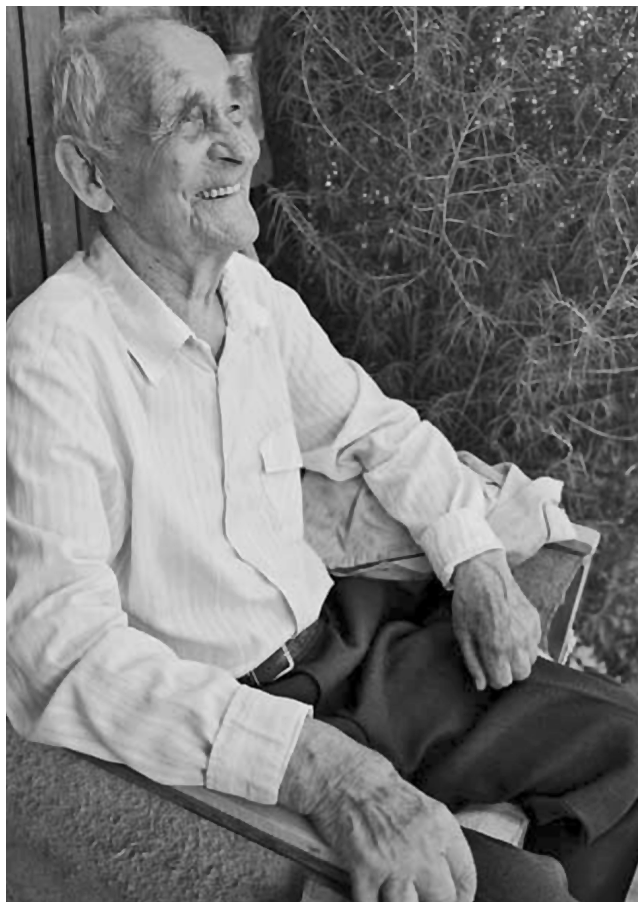
вом вымарывая слишком откровенные описания. Но с уходом трагичности в повествовании, ошибок, предательств, личных драм и трагедий, теряется человек: мелькает, сжимается в плоский, правильно сложенный конверт, который остается лишь запечатать и отправить по назначению — в никуда.

Ценность большой семьи

Пожилой ногаец рассказывал о сыновьях, но что-то рвалось в повествовании: то два сына, то три. Наконец выяснилось, что среднего еще при рождении отдали в семью сестры мужа. “Они бездетные. Девочку брать у другого брата наотрез отказались, род надо продолжать”. На аналогичную историю наткнулся в казахской семье, но ее уже представила женщина, удочеренная родной тетей: «Я росла, не похожая на родителей: дылда, а они маленькие. Всегда шутили знакомые: “От соседа родилась”. А потом, уже взрослой наткнулась на бумаги, что удочерили меня. Одна у них. Кормили, одевали. Это мои родители». Ценность большой семьи выше личной привязанности, какой бы острой она ни была.

О будущем

Она ходит за своей мамой уже более 10 лет. Маме через несколько месяцев исполняется 100, самой — 76. До того ухаживала за бабушкой, которую называла мамой. Мужчины в семье не задерживаются: помирают или уходят. Чистый дом, ухоженный огород, подстриженные плодовые деревья, цветы. Есть сыновья, но у них свои семьи. Улыбаются: “Никто так не сможет. В таком возрасте надо всегда рядом быть: горшок принести, искупать, лекарство вовремя подать, на просьбу откликнуться, на вопрос ответить”. О будущем скупое: “Как схороню маму, помыкаюсь и подамся в дом престаре-

лых. Мои так ухаживать не будут, не до того им. Потому пусть подольше живет, хорошо с ней”.

Нелинейность жизни

Сами того не замечая, мы раз за разом воспроизводим линейные причинно-следственные связи. Не любим и не приемлем много. Потому и разговоры со стариками трудны и порой невозможны. Поживший и повидавший многое видит жизнь разом, связывает события независимо от календарных дат, запутывая и удивляя собеседника. Он вышел на пенсию и начал лечить, потому что в юности зарядился от шаровой молнии; встретил остеопата, открывшего свой дар; начал собирать вырезки из газет о лечении; ударился голо-

вой; пожалел отчаявшегося от измены жены родственника и т.д., и т.п. События, как бисер на нити судьбы, только разом, вместе позволяют приблизиться к пониманию и сопереживанию жизни другого.

Труд рабочего

«Всю жизнь в деревне проработал. Грамотенка была: то туды поставят, то сюды. В 40 лет выучился на гидротехника. Весной каналы проведешь, чтобы поле нарезать. Лазишь на животе, присматриваешься, куда уклон. Летом — на сенокос, осенью — на уборку. Зимой делать нечего — бригадиром дойных гуртов. Как сыновья в армию ушли, пишут: “Палка, уезжай из деревни. Нам там делать нечего”. В 1978-м пришлось ехать в город. Уговаривали в контору, в плановый отдел. Нет, перед пенсией решил поработать плотником. Тогда — не сейчас, труд рабочего ценился больше конторского. Все дома в округе сделал: окна ставил, полы стелил. Тринадцать лет отработал плотником, а общий стаж — 52 года».

За правнуков страшно

“После двухтысячного я Путина боготворила. Страну из такого беспредела вытащить. После Ельцина-алкаша столько сделал, какой авторитет завоевал! И не только у нас, но и в других странах. Считаться с нами стали! А теперь?! Неужели он не видит, не понимает, насколько нищенски живет народ? И с каждым годом все хуже и хуже. Как можно позволить обдирать уже ободранных, снимать последнее, жульничать, лицемерить? Что не помощь, то унижение бумажное! Опустились — ниже не куда, а всё погружаемся и погружаемся. Уже не в иле кувыркаемся, а ниже, где мгла, грязь, ничего, кроме отчаяния и боли. Мы доживаем свой век, но правнуки! За них страшно”.

“Молодец доченька”

«Дочь к себе взяла, когда 90 исполнилось. По годам, детка, здоровье оцениваю нормально: ем, пью, маленько еще ум есть. Муж умер давно, в 1969 году. Сын утонул. Осталась дочь, с ней и живу. Есть внук, две внучки и четыре правнука. С ними так себе общаюсь: “Как здоровье? Привет, бабуля”. Не больно они нуждаются, даже не наведуют. Все больше молчу, сама с собой разговариваю. Спасибо доче, каждый день, считай, возит на улицу. Четвертый год как рука сломалась, плохо стала, но воздух нужен. “Давай, — говорит, — мама, я тебя свожу”. Мне неудобно, не надо, говорю, а сама радуюсь. Молодец доченька, любит меня!»

Личная жизнь

«Не повезло мне с первым браком. Он нашел красавицу и ушел. Год всего прожили, стал исчезать. Потом второй муж был. В общем-то неплохой человек, но любил выпить. Если бы так не пил, в 58 не ушел. С третьим познакомилась в 55 лет, но прожили мало, всего пять лет. Умер от рака желудка. В магазине ко мне подошел, спрашивает: “Вы такая-то?” “Да, это я, — говорю. — А вы — свободный человек?” “Да, свободный”. — “Ну и я свободная”. Потом стал приходиться, посватал. Получается, не повезло мне с личной жизнью — три мужа и все не от меня зависело. Три, а первого не забыла, не освободилась».

“Есть деньги, есть жизнь”

«Пенсия большая, 33 тысячи. Себе чуть оставляю, дочке, внучке всё отдаю. У дочки в больнице зарплата 10 тысяч. Разве проживешь? Потому упрасивают: “Живи подольше, живи, живи”. Ох, Дмитрий, доживете до моих лет, поймете, что уже ничего не хочется. Упал интерес, ничто не радует. Только лежу, думаю про себя. Без

батожка и не поднимусь. Все потихоньку выходит из строя. Об этом написала когда-то: “Живу я долго, не всегда умело. Скреплю сейчас, как старая сосна. Она совсем по жизни оскудела, а все стоит, теряя семена”. Сейчас самое главное — деньги. Есть деньги, есть жизнь. Потому надо жить, помогать».

Воспитание

«Мама у меня молчаливая была, скромная. Муж лишнего не болтал. И я привыкла к дисциплине, исполнительности. Такая семья подобралась. Как пришла в 14 лет на работу, так в 55 с этого же места на пенсию вышла. Поговорить всегда хочется, но неловко навязываться людям. Скажут, приста-ла старуха, болтает всякую ерунду. Все заняты, спешат, торопятся. У всех ведь дела, заботы. Куда им до старушечьих разговоров. И я тут: глаза не видят, слышу плохо. Откуда что-то узнавать? Только из общения. Но сама не предложу, не так воспитана, а люди не догадываются. Поэтому лежу одна, вспоминаю, переживаю прошлое, много-много раз одно и то же».

“Клуб с разломанной сценой”

«В партии с 30 лет. Так и не выходила. Две партийные школы закончила заочно: Высшую и в Красноярске. И с мужем на комсомольских мероприятиях познакомилась. Партийным строительством зачитывалась, социализм крепила, а в глубине души всегда в Бога верила. Мне мама еще говорит: “Верь, дочка, Бог есть”. В церковь не ходила, но всегда образок был, молитвы читала. Мама была очень набожная. Намолила, наверное, мою долгую судьбу. А родные все ушли. Одна осталась. Живу, живу... Как складно было быть коммунистом, понятно, почетно. Куда все ушло, куда испарилось? КПРФ сейчас — просто пародия на прошлое,

стариковский клуб с разломанной сценой. Ни идей, ни вдохновения».

“В войну всё по-другому”

“Одни по штампу живут, другие — по чувству. Но порой все мешается. Она ехала к жениху в Москву, а он, возьми, женись на другой. Ее звал замуж журналист. Прагматически, чтобы за рубеж выехать, проще в войну женатым было карьеру делать. Сначала отказала, по любви хотелось. А тут обида такая. Играли две свадьбы в одном месте. Он и она, а пары разные. Страсти такие, не приведи Господь, — рассказывает за старушку внушка. — Про войну много хороших фильмов, но лучше можно снять. Жизнь такая неожиданная: узнаешь и дух захватывает. В

войну всё по-другому. Смерть рядом. Если жениться, то сразу, без долгих разговоров и раздумий”.

Всего четыре аборта

«Я всего четыре аборта сделала. А некоторые мои подруги такие плодовые были. Раз, и уже забеременела. Многие даже не считали, сколько раз к бабкам бегали. А сейчас сильно переживаю. По молодости все легко, многое впереди. Лишь с годами осознаешь, насколько скоротечно время и неисправимы поступки. Сказала “всего” и плачу. Это же четыре жизни! Может быть, кто-то мог быть рядом, улыбался, держал за руку. Родила двоих, но обоих уже схоронила. Только внуки и правнуки. Но кто я для них? Обуза. Старуха, требующая внимания. Потому молчу и плачу о всех своих детках. Грешна непомерно. Успею ли отмолить грехи, загладить вину? Не знаю».

“Я его подбираю”

«Иной раз иду с работы, муж валяется. Где-нибудь скальмит, деньги дадут, они втроем, вчетвером залезут в детский садик, пьют. Еле-еле потом его забираю, а когда не могу, за коляской бегу, да на коляске везу домой. А зимой — легче, на санях. И никакого другого мужика не надо, от него дети. Одна идет: “Он у тебя сроду валяется”. “Как сроду? Я его подбираю”. — “А я бы плюнула, проспится сам придет”. Я говорю: “Фиг проспится, на тот свет проспится”. Потом прямо возле дома муж у нее валялся. Она плюнула, проспится, придет. Утром встали, он — мертвый. Доплевалась. “Не вой, — говорю, — не вой. Поздно”».

Запас болячек

“Родилась я в 1918 году. До того уже год эпидемия брюшного тифа гуляла. Мама родила меня десятью, малюсенькую, заразилась и умерла. Мне шесть месяцев. Семья

большая: братья женатые, снохи, сестры взрослые. Тогда не нянчились. В люльку — и качать. Меня фурункулы душили. Думали, ну слава Богу, умрет. Не вышло. Все выболела в младенчестве, выкричала криком страшным. Потому и живу столько, весь запас болячек в детстве перевела. Сейчас только старческое: давление, кости, сердчишко. Преходяще все, жить можно потихоньку, без резких движений. А резкие и не получаются. Если раз в неделю помогут подняться с постели, вывезут на балкон — счастье, подвигаться можно, подышать воздухом”.

“Через краюху плачут”

«Жила с папой, сестрой с двумя детьми в Горловом тупике. 1933 год. Комнатка маленькая, метров 10, но с двумя окнами. Раньше в кладовке жили, потому радовались переселению очень. Работала на заводе копировальщицей, там с мужем познакомилась. Он счастлив, что с девочкой дружит, у которой комнатка есть. Думал, мы в темную, без окна сможем перейти, как поженимся. Сам по комсомольской линии, бостоновые костюмы, шевелюра красивая. Отцу не понравилось, чистоплюем называл. “Дочка, — говорит, — через горбушку скачут, а через краюху плачут”. Мол, нечего на краюху, на богатых заглядываться. С бедными живут — радуются, с богатыми — горе мыкают. Не послушалась, а зря, отец прав оказался».

Награды в кладовке

«Я не носила никогда награды, в кладовке пролежали. Не хотела, чтобы даже знали, что на фронте была. Почти всю войну в пехоте прошла. Когда вернулась в деревню, мне в лицо: “Б<...>, подстилка офицерская!” Мужики кривятся, девки перешептываются, смеются за глаза. Сколько раз на Празднике Победы постою в сторонке, поплачу — и домой. Однажды при-

гласили в школу вместе с одним. Он всю встречу геройствовал, перья распустил. Мне и слова не дали, хотя он тыловик тыловиком, но мужчина, поэтому герой. А я — так... Больше не ходила, наотрез отказалась». Давно читал “У войны не женское лицо” С. Алексиевич. Не думал, что сам услышу о таком.

Девяностые

Ныне в медиа много говорится о девяностых как времени экономических потерь, политических надежд, колоссальных социальных сломов. Спрашиваю столетних, что думают, как пережили эти годы. Пожимают плечами: ничего особенного, годы как годы, не лучше и не хуже других. Куда тяжелее было в предвоенные годы, в самую войну, куда легче и радостнее — в послевоенные годы, когда были полны сил и надежд. Государство советское или российское в перспективе столетнего неразлично. Правители приходят и уходят, прикрываясь той или иной идеологией, но в целом власть остается неизменной: далекой, никчемной, бессмысленной и ничего не значащей в повседневной жизни. Девяностые — веха для политиков, а не людей.

“Учитесь... только учитесь”

«Родилась в 1917 году, в самую разруху, в семье служащего. Отец в госпитале заведовал продовольствием. Мать — домашняя хозяйка. Трое детей. Жили на Мясницкой. Двухкомнатная квартира, топили дровами. Отец только четыре класса кончил, но нас в институты вытолкнул: “Учитесь, девочки, только учитесь. Без учебы очень-очень плохо”. Мы проказницы были. Иной раз отшлепать надо, а он только скажет с укором: “Вы же женщины”, посмотрит — хоть сквозь землю проваливайся. На курсе из 100 человек стипендию получали четверо, и я среди них. Но не потому, что такая ум-

ная. Хотела, чтобы отцу было полегче, приносила деньги. Он на нас и тратил: “Учитесь, девочки, только учитесь”».

Добавка к пословице

«Сейчас умирают все больше от диабета. Жирное жуют, не думают. Знаете пословицу “Держи ноги в тепле, голову — в холоде, а брюхо — в голоде”? Аппетит у меня до сих пор хороший, но я сдерживаю порой себя, ограничиваю. Никакого мяса, кроме курицы. Ни яиц, ни майонеза, ничего такого. Масло — только в кашу и чаще постное. Что соленого — боже упаси. Вместо еды двигаюсь. Раньше на лыжах бегал, молодые не попевали, а теперь, дай бог, до туалета или кухни доковылять. Но без этого нельзя. К пословице добавить еще надо: “Двигайся, не лежи!” Сегодня сленился, не встал, завтра не встанешь вовсе, так и останешься скрюченным».

Самый любимый

“Замуж вышла до войны. Первый муж был очень хороший парень: спортивный, веселый, честный. Настоящий мужик. В девках таяла от него. Проводила на поезд в самом начале войны и больше не видела. Погиб в Польше, уже в чине капитана. Мне родные похоронку не показывали. Одну букву неправильно напечатали. Они все надеялись, что ошибка. Дали только после войны, а это еще тяжелее, после войны похоронку получить. Вышла второй раз вскоре, и хоть прожили всю жизнь, это уже не то. Не понимают нынче, как сладко быть единственной. Сейчас размениваются на разных мужиков, потом вспомнят — больше одного не надо было. Он — самый лучший, любимый”.

Красивый мужчина

Звоню. Дверь открывает мужчина, на вид лет 70. Задорный чуб,

улыбка, блеск в глазах. Неожиданно. Интересуюсь о своем респонденте. “Так это я и есть”, — смеется. “Как? Неужели 86?” Долго разговариваем, играем в шахматы, пьем чай из шиповника, вновь разговариваем. Анекдоты, рассказы о бывлых “подвигах”, текущих интересах, успехах и неудачах на любовном фронте. Вспомнил об умершей жене — тут же резко обозначились морщины. Изменение разительное. Но передо мной по-прежнему красивый статный мужчина. Красота весьма опосредованно связана с чертами лица. В основном это выражение глаз, улыбка, особенности общения. Красота — это то, как мы смотрим на мир, а не то, как мир глядит на нас.

Подошва на учебу

«Девчонкой в войну все делала, за все хваталась. Могла паять, шлифовать, цементировать, жестяные работы знала... Труд закаляет. Всему научил старший слесарь на фабрике. Ночью на смене спать нельзя. Я — ребенок, в сон клонит. Чтобы не засыпала, он давал разные задания: гайки раскладывать, болты. Даст задания столько, что не успеваю кончить. Погиб потом на фабрике, а меня своими заданиями спас. Мне всегда везло с наставниками; правда, тогда этого слова не знали. Подошва, которую смолоду дали, всю жизнь помогала. Что не скажут: “Это не сделать”, — я бралась, делала. А для этого никогда не стеснялась спросить, поинтересоваться, как лучше подступиться. Не стеснялась учиться».

Спецпереселенцы

“Сначала нас в Томск свезли, в общий лагерь. Потом в Бокчарский район погнали. Деревня Плотниково. По баракам раскидали, как мух: кого на нары, а кого под нары. Строим гать, чтобы через болото проехать. Нас-то оставили, а ос-

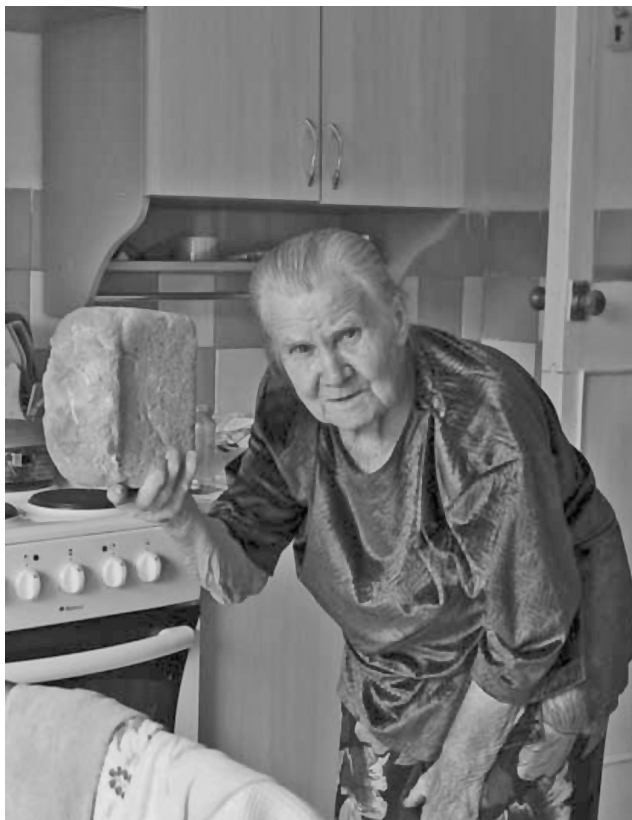
тальных дальше погнали. До войны дело было, плохо помню. Родители ничего не рассказывали, боялись. Малец ненароком сболтнет лишнее, что папа говорил, а назавтра папы не будет. Так и стерли семейную память, превратили в безродных, да бесплеменных. О дедах уже ничего не знаю, даже имена в памяти не сохранились. По берегам Оби сколько костей размыло — не перечисть: тысячами сваливали в похоронные ямы. Спецпереселенцы, одним словом”.

Папа немножко добавил

«По паспорту я 1912 года рождения. Но года мне папа немножко добавил, когда мы в Москву переехали. Приписал год, два или три, не знаю. Надо было на работу устраиваться, он и добавил. Я спрашивала потом, а он мне: “Тебе не надо это знать”. Стала на фабрике ткачихой работать: шелк, крепдешин, шифон... Работала на шести станках и получала хорошо: по 500–600 рублей. В то время большие деньги. Сверстники стали для меня по паспорту. Возраст — это ерунда; поверишь, что ты младше или старше, так и будешь жить, такое окружение получишь. Ни тогда себя младше не ощущала, ни сейчас. Папа сказал, как отрезал».

“Разиню поймали”

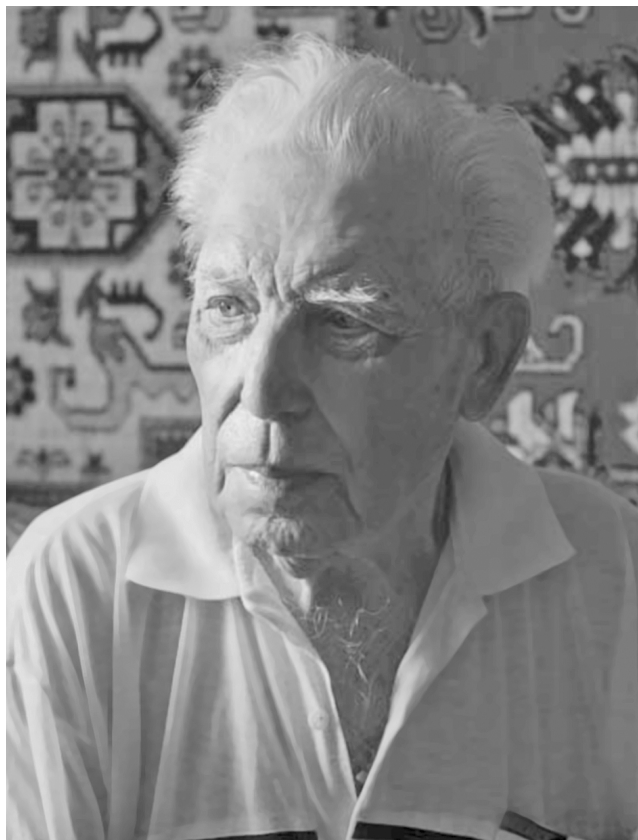
“Перестройка мне не понравилась. Горбачев — пропади он пропадом. Ельцин — алкаш и шарамыжник. Если бы эту перестройку Примаков делал, постепенно, а не нахрапом, набивая карманы спекулянтам, может толк был. Кулаки Россию строили, а теперь на другие страны работаем. В советское время хоть видимость порядка была. Хотя Хрущ-кукурузник — то еще дерьмо в шароварах. Только при Брежневе жить стали более-менее, жрать как-то регулярно. Где партийные в паре с хорошими инженерами работали, там дело

делалось. Где власть в их руки шла, все, что можно, развалили. А мы разиню поймали от радости, что зажили более-менее, и партийцы вона что натворили! Обобрали народ, едрит твою мать”!

“Памятью счастлива”

“Хорошо живу, счастливо. Встаю, умываюсь, Богу молюсь. Всю жизнь ходила в церковь и сейчас стараюсь доковылять. В войну мать молоко собирала, я в город — продавать. Буханку хлеба купишь, не хватит — так отрубей стаканчик. Хорошо было, радовались и стаканчику. Свечку поставишь за здоровье, тепло на душе. Когда отец был, радовалась. Потом муж — свет в оконце. 52 года прожили вместе. Только три — врозь, пока в девках с армии ждала. Может, и надоела ему, потому раньше меня помер. И я бы с ним слегла,

но грешно так думать. Гоню эти мысли. Живу одна. Памятью счастлива. Свечки за упокой ставлю, улыбаюсь. Плачу и улыбаюсь”.

“...На жене все было”

“Я — астраханский татарин. Сначала семилетка, потом ФЗО — фабрично-заводское обучение. До 1972-го работал каменщиком, потом в шоферы подался. До пенсии на автобусе отработал. Жена всю жизнь по хозяйству. Четыре сына, дочь, огород, скотина. Десять соток только помидоров высаживали. Это в городе кустами меряют, а у нас — сотками. Коров держали по 15–20 голов. Мясо сначала в колхоз сдавали, когда развалился — сами продавали по 300–400 килограммов. Никогда никого не нанимали. В деревне работников нанимать — позор. Как на пенсию вышел, стал

по хозяйству работать. До того на жене все было. В четыре часа встает, доит корову, готовит еду и так далее. Хозяйке иначе нельзя”.

“Фанфурики”

«Муж в 2002-м помер. 75 лет всего. Выпивать стал под старость лет. Главное, полгода где-то талдычил: “Не хочу жить и все. Надоело!” “Да ты чо?! — говорю. — У тебя пенсия хорошая, здоровье ничего. Надо выпить, возьми хорошей водки”. “Нет, не хочу жить”. Как будто его кто-то сглазил. Наберет “фанфурики” с лосьоном и до беспмятства напивается. Говорю: “С водки пьянеешь?” “Пьянею, но не дерет”. Много от “фанфуриков” померло народу. С этой заразы синеют, мозги отсыхают, ноги обездвиживаются. В любом магазине продают. Муж полгода попил, опух, желтый стал и помер. Кончил себе печень. Но сначала, как пластинка на патефоне: “Не хочу жить и все!”»

“Ровно, маленечко”

«До 1932 года жили в деревне, в Казахстане. Потом плохо стало. Неурожай был. Пять семей собрались, решили уезжать. Наша семья направилась в Пензу, откуда мама родом. Доехали до Челябинска. Пересадка. Ждали поезда, а ночью нас обокрали. Утром подошла начальница, говорит, что вещи за городом валяются. Машину дали, но что там оставили: самовар, кастрюли, тазик, чемодан пустой... Ехать не на что стало и не с чем. Мы остались. Родители завербовались в Сатку. В бараке дали комнату. Предлагали квартиру, но мама отказалась: “Зачем нам? Не нужно”. Тогда боялись много места занимать. Спали в коридоре — в комнате всем не хватало. Прижились, ровно, маленечко».

Разрушительное знание

«Сталина видел метров с 10, когда в оцеплении стоял. Я в вой-

сках МВД служил. Он в 1948-м прибыл в Сочи на крейсере “Молоотов” из Одессы. Проехал по городу: “Чтобы завтра, пока я здесь, должно быть все заасфальтировано”. Как начали. Откуда асфальт взяли, народ согнали?! В Москву — на поезде. Пригнали вагон, необычный, восьмиосный, длинный. Нас полковник заводил. Кнопку нажмет, начнется живой концерт, другую — кино. Перед Туапсе — туннель, “индюк” мы называли. Обвал. Начальнику гарнизона — кирдык. Солдат сразу пригнали, через горы тропу проложили, там другой вагон. Уехал... Много есть чего рассказать. Тогда молчал и сейчас молчу, уже не из страха. Разрушительно это знание».

Дед упрекнул

«Работала на руднике. Членов партии начали готовить в сельское хозяйство. Кто рассчитался, заболел, по области только три дурака нашлось. Меня управляющей фермой отправляли. Я съездила в крайком, отказалась, говорю: “Двое детей, куда их?” Сидим, ужинаем дома все. Дед говорит: “Ну как?”. Говорю: “Я отказалась”. А он: “Вот видишь, все вы, члены партии такие. Как вас прижмут, — а уже слух, что все с рудника отказались или рассчитались, — вы в кусты”. Дед меня упрекнул. Как держала ложку, так замерла: “Завтра пойду в райком, я соглашусь”. И поехала работать управляющей фермой. Муж в городе остался, а я — в село. На выходные только приезжала».

Мамина первая любовь

«Выросла с отчимом, маминой первой любовью, который не давал о себе знать всю войну, потом лупил тыловиков в ресторанах. Получал небольшие сроки, отсиживал и вновь лупил до полусмерти тыловиков. Как выпьет, конечно. Как-то захожу на кухню и не

могу понять, почему у папы текут слезы. Мама отвернулась к окну. Я никогда не видела, чтобы дяденька плакал, да еще мой папа. Говорю: “Папа, что случилось?” Он медленно: “Мама со мной попросила развод. Ее нашел первый жених”. Папа ушел. Мама светилась, ждала своего героя. А тот потом как поддаст, ему все — немцы. И она сестру в охапку, ночь-полночь, бежим спасаться к соседям».

Похороны Сталина

«Любили Сталина до безумия, порой казалось больше родных. Отец — крупный партиец, в разное время редактор центральных газет и журналов. Номенклатура, одним словом. Много было известно. Но это ничего не значило. Почитание безусловное, без оглядки было. Когда Сталин умер, рыдала навзрыд. Была на восьмом месяце, но не сомневалась, что пойду на похороны. Родители отговаривали. Пошла одна. На Тверской — такая толпа, ужас. Выходы на прилегающие улицы перегорожены спецтехникой. Уйти нельзя. Давка. Один молоденький солдатик из оцепления схватил за шиворот, протиснул сквозь плотные тела, помог взобраться на грузовик, прыгнуть: “Беги, дура, беги отсюда!” Можно сказать, крестный отец сыночка. А даже имени не знаю».

“Слишком холодновата”

«С Цветаевой познакомилась в 25 лет, в 27 — с Ахматовой. Люблю Ахматову, а Цветаеву просто боюсь. Она не знала пределов: “И пусть тебя не смущает мой голос из-под земли”; “Идешь на меня, прохожий, глаза опускай вниз. Я тоже жила, прохожий. Прохожий, остановись”. Дрожь по телу. Она, конечно, орфический поэт. Ахматова — тоже большая оригиналка, летнее облако, спустившееся на землю: “Подошел ко мне, улыбнулся... поцелуем руки коснулся...” Ах-

«ТАЙНА СИЯ
ВЕЛИКА...»

матова — гармония, женщина-по-за. Она разрешала себя любить, не видя других. Выпишется, потом смотрит и думает: «И что это было?»» Прерываю: «Вы сейчас не про себя говорите?» «Возможно, — чуть помедлив, — но я слишком холодновата для этого».

Два здоровых смысла

Редкий человек после 90 может справиться самостоятельно с элементарными бытовыми надобностями: приготовить еду, сходить в туалет, принять душ, постирать, переодеться. Многие вовсе не встают. Если живут, значит кто-то помогает, в меру сил и здравого смысла. Последний разнится от семьи к семье. Для одних забота и помощь — это ограждение от забот: «Куда ей, лежит уже, ничего не понимает, не слышит. Не надо беспокоить». Для других — возможность общей жизни: «Иной раз прикрикну на мамку. Пусть двигается, встает. Она обижается, а потом благодарит». Для первых пожилой в семье — бремя и обязанность, для вторых — радость и вкус детства, пусть терпкий, но родной до слез.

Видеть старость

Мы учимся видеть старость как зрелость, опыт, внимание к жизни, осмысление труда, соединение времен, постижение своего тела, интимность и нежность, родственную близость, духовные наставления, принятие смерти. Мудрые незаметны. Они самодостаточны и полны даже в своей немощи и боли. Самоотречение и уход из нашей жизни стариков ранит прежде всего нас, утопающих в повседневных заботах, стремящихся к обогащению или выживающих на крохотных заработках. Без стариков, их историй, кратких замечаний, укоров и ворчания мы теряем себя, свою историю, семью, теряем богатство рода, которое и задает осмысленность нашей жизни. Видеть

старость — это вглядываться в себя и свое предназначение. Видеть старость — это быть собой.

Литература

1. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология 4М. 1993. № 3/4. С. 34–43.
2. Куштанина В.А. Кризис после выхода на пенсию: миф и реальность (Россия — Франция) // Вестн. РУДН. Сер.: Социология. 2009. № 1. С. 82–88.
3. Овсянникова Н.В. Неприятие старости в современной культуре: миф или реальность? // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2015. Т. 4, № 2. С. 49–53.
4. Рогозин Д.М. Биографический метод: обзор литературы // Социол. исслед. 2015. № 10. С. 120–129.
5. Christensen J. Telling stories: Exploring research storytelling as a meaningful approach to knowledge mobilization with indigenous research collaborators and diverse audiences in community-based participatory research // The Canadian Geographer. 2012. Vol. 56, No. 2. P. 231–242.
6. Dowd J.J. Conversation and social exchange managing identities in old age // Human Relations. 1981. Vol. 34, No. 7. P. 541–553.
7. Hacker K.A. Community-based participatory research. L.: Sage, 2013.
8. Koch T. Story telling: is it really research // J. of Advance Nursing. 1998. Vol. 28, No. 6. P. 1182–1190.
9. Leavy P. Method meets art: Arts-based research practice. N.Y.: Guilford Press, 2008.
10. Leavy P. Research design: Quantitative, qualitative, mixed methods, arts-based, and community-based participatory research approaches. N.Y.: The Guilford Press, 2017.
11. Marcu G.E., Cushman D. Ethnographies as texts // Annual Review of Anthropology. 1982. Vol. 11. P. 25–69.
12. McNiff S. Art-based research. L.: Jessica Kingsley Publishers, 2008.
13. Stoecker R.R. Research methods for community change: A project-based approach. 2nd ed. L.: Sage, 2012.
14. Wilinska M. Shame on me... emotions in the fieldwork on old age in Japan // Qualitative Social Work. 2014. Vol. 13, No. 5. P. 602–618.
15. Wilkins R. Taking it personally: A note on emotion and autobiography // Sociology. 1993. Vol. 27, No. 1. P. 93–100.